

## ГЛАВА XII.

Вопросы, которые мне нужно было задать, прежде чем я смогу хотя бы в общих чертах познакомиться с учреждениями двадцатого века, были бесконечны, и добродушие доктора Лите проявлялось в полной степени, поэтому мы просидели за разговором несколько часов после того, как дамы покинули нас.

Напомнив моему хозяину о том, на чем прервался наш разговор тем утром, я выразил свое любопытство узнать, как организация промышленной армии была создана для того, чтобы обеспечить достаточный стимул к усердию при отсутствии какого-либо беспокойства со стороны рабочего о его средствах к существованию.

"Прежде всего, вы должны понять, - ответил доктор, - что создание стимулов для усилий - это всего лишь одна из целей, к которой стремится организация, принятая нами для армии. Другая цель, и не менее важная, заключается в обеспечении всех жизненно необходимых потребностей для рядовых работников и капитанов, а также великих офицеров нации, людей с доказанными способностями, которые своей карьерой обязались поддерживать своих последователей на самом высоком уровне и не допускать отставания. С целью достижения этих двух целей организована промышленная армия.

Сначала идет неклассифицированный класс простых рабочих, людей всех профессий, к которым принадлежат все новобранцы в течение их первых трех лет. Этот класс - своего рода школа, и очень строгая, в которой молодые люди осваивают привычки послушания, субординации и преданности долгу. В то время как различный характер работы, выполняемой этой силой, препятствует систематической классификации работников, которая впоследствии становится возможной. Но индивидуальный учет все же ведется, и отличники получают знаки отличия, а горячие головы соответствующие наказания.

Однако наша политика не заключается в том, чтобы позволять юношескому безрассудству или неосмотрительности, если они не являются глубоко преступными, препятствовать будущей карьере молодых людей, и все, кто прошел через неклассифицированный класс работников без серьезного позора, имеют равные возможности выбрать работу на всю жизнь, которая им больше всего нравится. Выбрав это, они приступают к нему в качестве учеников.

Продолжительность ученичества, естественно, различается в разных профессиях. В конце обучения ученик становится полноправным работником и членом своей профессии или гильдии. Теперь не только строго ведется индивидуальный учет способностей и трудолюбия подмастерьев, а выдающиеся достижения отмечаются соответствующими знаками отличия, но и от среднего показателя его успеваемости за время ученичества зависит положение подмастерья среди полноценных рабочих.

"В то время как внутренние организации различных отраслей промышленности, механической и сельскохозяйственной, различаются в зависимости от их специфических условий, они согласны в общем разделении своих работников на первый, второй и третий классы, в зависимости от способностей, и эти классы во многих случаях подразделяются на первый и второй классы. В зависимости от его положения в качестве подмастерья молодому человеку назначается место рабочего первого, второго или третьего класса.

Конечно, только молодые люди с необычными способностями переходят непосредственно из ученичества в первый класс рабочих. Большинство из них попадают в низшие классы, повышаясь по мере того, как они становятся более опытными, при периодических переквалификациях. Эти переквалификации происходят в каждой отрасли с интервалами,

соответствующими продолжительности обучения в этой отрасли, так что заслугам никогда не нужно долго ждать повышения, и никто не может опираться на прошлые достижения, если только они не опустятся до более низкого ранга.

Одним из заметных преимуществ высокой оценки является привилегия, которую она дает работнику при выборе того, какой из различных отраслей или процессов своей отрасли он будет придерживаться в качестве своей специальности. Конечно, не предполагается, что какой-либо из этих процессов должен быть непропорционально трудным, но между ними часто существует большая разница, и привилегия избрания соответственно высоко ценится.

Действительно, насколько это возможно, при назначении им работы учитываются предпочтения даже самых отстающих работников, поскольку таким образом повышается не только их счастье, но и их полезность. В то время как, однако, с желанием человека низшего разряда советуются, насколько позволяют требования службы, его рассматривают только после того, как за него проголосовали люди высшего разряда, и часто ему приходится мириться со вторым или третьим вариантом или даже с произвольным назначением, когда требуется помощь.

Эта привилегия избрания присутствует при каждой повторной аттестации, и когда человек теряет свою оценку, он также рискует променять работу, которая ему нравится, на какую-то другую, менее ему по вкусу. Результаты каждой повторной оценки, отражающие положение каждого человека в его отрасли, публикуются в общедоступных печатных изданиях, и те, кто получил повышение с момента последней повторной оценки, получают благодарность нации и публично награждаются значком своего нового ранга".

"Что это может быть за значок?" Я спросил.

"У каждой отрасли промышленности есть свой символ, - ответил доктор Лите, - и это, в форме металлического значка, такого маленького, что вы могли бы не заметить его, если бы не знали, где искать, - это все знаки отличия, которые носят военнослужащие, за исключением случаев, когда общественные праздники требуют отличительной формы. Этот значок одинаков по форме для всех отраслей промышленности, но в то время как значок третьего класса - железный, значок второго класса - серебряный, а значок первого - позолоченный.

"Помимо великого стимула к усилиям, предоставляемого тем фактом, что высокие посты в стране открыты только для людей высшего класса, и что звание в армии представляет собой единственный способ социального отличия для подавляющего большинства, кто не стремится к искусству, литературе и профессиям, различные подстрекательства незначительного, но, возможно, столь же эффективного рода, предоставляются в виде особых привилегий и иммунитетов в плане дисциплины, которыми пользуются люди высшего класса.

Они, хотя и предназначены для того, чтобы как можно меньше вызывать зависти у менее успешных, имеют эффект постоянного удержания в уме каждого человека великой желательности достижения следующей ступени выше его собственной.

"Очевидно, важно, чтобы не только хорошие, но и безразличные и отстающие рабочие могли лелеять стремление подняться. Действительно, поскольку число последних намного больше, еще более важно, чтобы система ранжирования действовала не для того, чтобы обескураживать их, а для того, чтобы стимулировать остальных. Именно с этой целью оценки разделены на классы.

Оценки, а также классы, при каждой переаттестации сбрасываются, но у нас никогда не

бывает такого, что офицеров, неклассифицированные классы и классы подмастерьев составляли более одной девятой в низшей касте промышленной армии. Большинство из этого числа - недавние подмастерья, все из которых ожидают, что изменят оценку и класс соответственно в будущем. Те, кто остается в течение всего срока службы в низшей касте, составляют лишь ничтожную часть промышленной армии и, вероятно, будут столь же чувствительны к своему положению, как и в способности улучшить его.

"Даже не обязательно, чтобы работник получил повышение на более высокий уровень, чтобы хотя бы почувствовать вкус славы. В то время как продвижение по службе требует общего послужного списка, почетное упоминание и различные виды призов присуждаются за достижения, которых недостаточно для продвижения по службе, а также за особые подвиги и отдельные выступления в различных отраслях. Существует множество незначительных различий в положении не только внутри классов, но и внутри самих подклассов, каждое из которых стимулирует усилия группы. Предполагается, что каждая форма заслуг должна признаваться.

"Что касается фактического пренебрежения работой, халатности или другой явной небрежности со стороны людей, неспособных на благородные побуждения, дисциплина промышленной армии слишком строга, чтобы допускать что-либо в этом роде. Человек, способный выполнять свой долг и упорно отказывающийся от этого, приговаривается к одиночному заключению на хлебе и воде до тех пор, пока он не согласится.

"Низший ранг офицеров промышленной армии, помощников старшин или лейтенантов, назначается из числа людей, которые в течение двух лет занимали свое место в первом классе первого разряда. Там, где это оставляет слишком большой выбор, только первая группа этого класса имеет право на участие.

Таким образом, никто не доходит до того, чтобы командовать людьми, пока ему не исполнится около тридцати лет. После того, как человек становится офицером, его рейтинг, конечно, больше не зависит от эффективности его собственной работы, а от эффективности его людей. Старшины назначаются из числа помощников старшины, с тем же правом усмотрения, ограниченным небольшим правомочным классом. При назначении на еще более высокие должности вводится другой принцип, объяснение которого сейчас заняло бы слишком много времени.

"Конечно, такая система оценки, которую я описал, была бы непрактична применительно к небольшим промышленным концернам вашего времени, в некоторых из которых едва хватало сотрудников, чтобы оставить по одному на занятия. Вы должны помнить, что в соответствии с национальной организацией труда все отрасли промышленности выполняются большими группами людей, многие из наших ферм или магазинов объединены в одно целое.

Также исключительно благодаря огромному масштабу, в котором организована каждая отрасль, с координируемыми предприятиями в каждой части страны, мы можем путем обменов и трансфертов максимально приблизить каждого человека к тому виду работы, который он может выполнять лучше всего.

"А теперь, мистер Уэст, я оставляю это на ваше усмотрение, в общих чертах описав его особенности, которые я привел, если те, кто нуждается в особых стимулах, чтобы делать все возможное, вероятно, будут испытывать недостаток в нашей системе. Не кажется ли вам, что люди, которые оказались обязанными, хотели они того или нет, работать, при такой системе были бы сильно принуждены делать все, что в их силах?"

Я ответил, что предлагаемые стимулы были, если можно было бы возразить, слишком сильными; что темп, установленный для молодых людей, был слишком быстрым; и действительно, я бы добавил с уважением, что это все еще остается моим мнением, но теперь, когда благодаря более длительному проживанию среди вас я получил возможность лучше познакомиться со всей системой.

Доктор Лите, однако, пожелал, чтобы я поразмыслил, и я готов сказать, что, возможно, это достаточный ответ на мое возражение, что средства к существованию работника никоим образом не зависят от его ранга, и беспокойство об этом никогда не усугубляет его разочарований; что рабочее время короткое, а отпуска регулярные, и что всякое соперничество прекращается в сорок пять лет, с достижением среднего возраста.

"Есть еще два или три момента, на которые я должен сослаться, - добавил он, - чтобы у вас не сложилось ошибочного впечатления.

Во-первых, вы должны понимать, что эта система предпочтения, предоставляемая более эффективным работникам по сравнению с менее эффективными, никоим образом не противоречит фундаментальной идее нашей социальной системы, что все, кто делает все возможное, одинаково заслуживают, независимо от того, велико это лучшее или мало. Я показал, что система устроена так, чтобы поощрять как более слабых, так и более сильных в надежде на повышение, в то время как тот факт, что более сильные выбираются в лидеры, никоим образом не отражается на более слабых, а в интересах общего блага.

"Также не воображайте, что, поскольку в нашей системе в качестве стимула предоставляется признание и похвала, мы считаем, что это тот мотив, который может понравиться более благородным людям или достойнейшим из них. Такие, как они, находят свои мотивы внутри, а не вовне, и измеряют свой долг своими собственными способностями, а не способностями других. До тех пор, пока их достижения пропорциональны их силам, они сочли бы нелепым ожидать похвалы или порицания из-за того, что они оказались большими или малыми. Для таких натур соперничество кажется философски абсурдным и презренным в моральном аспекте, поскольку оно заменяет зависть восхищением, а ликование сожалением в отношении к успехам и неудачам других.

"Но все люди, даже в последний год двадцатого века, не принадлежат к этому высшему разряду, и стимулы к усилиям, необходимые для тех, кто не относится к этому разряду, должны быть приспособлены к их низшей природе. Таким образом, для них ощущение острой шпору обеспечивается в качестве постоянного стимула. Те, кому нужен этот мотив, почувствуют это. Те, кто находится выше его влияния, в нем не нуждаются.

"Я не мог бы не упомянуть, — продолжал доктор, - что для тех, у кого слишком мало умственных или физических сил, чтобы их можно было справедливо причислить к основной массе рабочих, у нас есть отдельный класс, не связанный с другими, - своего рода инвалидный корпус, члены которого обеспечены легкими задачами, соответствующий их силе. Все наши больные умом и телом, все наши глухонемые, хромые, слепые и калеки, и даже наши душевнобольные принадлежат к этому инвалидному корпусу и носят его знаки отличия. Самые сильные часто выполняют почти мужскую работу, самые слабые, конечно, ничего; но никто из тех, кто может что-либо сделать, не готов полностью сдаться. В периоды просветления даже наши безумцы стремятся сделать все, что в их силах".

"Это прекрасная идея о корпусе инвалидов", - сказал я. "Даже варвар из девятнадцатого века может оценить это. Это очень изящный способ замаскировать благотворительность, и мы должны быть благодарны чувствам ее получателей".

"Благотворительность!" - повторил доктор Лите. "Неужели вы предположили, что мы рассматриваем неспособный класс, о котором мы говорим, как объекты благотворительности?"

"Ну, естественно, - сказал я, - поскольку они неспособны к самообеспечению".

Но тут доктор быстро взял меня в руки.

"Кто способен к самообеспечению?" - потребовал он. "В цивилизованном обществе нет такой вещи, как самообеспечение. В обществе, настолько варварском, что даже не знает семейного сотрудничества, каждый индивид, возможно, может содержать себя сам, хотя и тогда только часть своей жизни; но с того момента, как люди начинают жить вместе и образуют даже самый грубый тип общества, самообеспечение становится невозможным.

По мере того как люди становятся более цивилизованными и осуществляется разделение профессий и услуг, сложная взаимная зависимость становится универсальным правилом. Каждый человек, каким бы уединенным ни казалось его занятие, является членом обширного промышленного партнерства, такого же большого, как нация, такого же большого, как человечество. Необходимость взаимной зависимости должна подразумевать обязанность и гарантию взаимной поддержки; и то, что в ваше время этого не было, составляло сущностную жестокость и неразумие вашей системы".

"Все это может быть так, - ответил я, - но это не касается тех, кто не в состоянии внести какой-либо вклад в продукт промышленности".

"Конечно, я сказал вам сегодня утром, по крайней мере, я думал, что сказал, - ответил доктор Лите, - что право человека на питание за столом нации зависит от того факта, что он человек, а не от количества здоровья и силы, которыми он может обладать, до тех пор, пока он делает все, что в его силах."

"Вы так сказали, - ответил я, - но я предполагал, что это правило применимо только к работникам с разными способностями. Относится ли это также к тем, кто вообще ничего не может сделать?"

"Разве они тоже не люди?"

"Значит, я должен понимать, что хромые, слепые, больные и импотенты так же богаты, как и наиболее работоспособные, и имеют тот же доход?"

"Конечно", - последовал ответ.

"Идея благотворительности такого масштаба, - ответил я, - заставила бы наших самых восторженных филантропов ахнуть".

"Если бы у вас дома был больной брат, - ответил доктор Лите, - неспособный работать, стали бы вы кормить его менее изысканной пищей, а также содержать и одевать его хуже, чем себя? Скорее всего, вы отдали бы ему предпочтение; и вам бы не пришло в голову называть это благотворительностью. Разве это слово в этой связи не вызвало бы у вас негодования?"

"Конечно, - ответил я, - но эти случаи не параллельны. Несомненно, в каком-то смысле все люди являются братьями; но этот общий вид братства не следует сравнивать, за исключением риторических целей, с братством по крови, ни по его чувствам, ни по его обязательствам".

"Здесь говорит девятнадцатый век!" - воскликнул доктор Лите. "Ах, мистер Уэст, нет никаких

сомнений относительно того, как долго вы спали. Если бы я дал вам в одном предложении ключ к тому, что может показаться загадками нашей цивилизации по сравнению с цивилизацией вашего века, я бы сказал, что это тот факт, что солидарность расы и братство людей, которые для вас были всего лишь красивыми фразами, являются, для нашего мышления и чувств узы столь же реальны и жизненно важны, как физическое братство.

"Но даже если оставить это соображение в стороне, я не понимаю, почему вас так удивляет, что тем, кто не может работать, предоставляется полное право жить за счет продуктов тех, кто может. Даже в ваше время обязанность военной службы по защите нации, которой соответствует наша промышленная служба, будучи обязательной для тех, кто способен ее выполнять, не лишала привилегий гражданства тех, кто был неспособен.

Они оставались дома, и их защищали те, кто сражался, и никто не ставил под сомнение их право быть такими или думал о них хуже. Итак, теперь требование производственной услуги от тех, кто способен ее оказывать, не лишает привилегий гражданства, что теперь подразумевает содержание гражданина, того, кто не может работать. Рабочий является гражданином не потому, что он работает, а работает потому, что он гражданин. Как вы признаете долг сильного сражаться за слабого, так и мы, теперь, когда борьба закончилась, признаем его долг работать за него.

"Решение, которое оставляет неучтенный остаток, вообще не является решением; и наше решение проблемы человеческого общества не было бы вообще никаким, если бы оно оставило хромым, больных и слепых снаружи со зверями, чтобы они жили как могли. Лучше было бы оставить сильных и здоровых без присмотра, чем этих обремененных, к которым должно стремиться каждое сердце и для которых должна быть обеспечена легкость ума и тела, если не для других.

Следовательно, как я сказал вам сегодня утром, право каждого мужчины, женщины и ребенка на средства существования основывается на не менее очевидном, широком и незатейливом основании, чем тот факт, что они принадлежат к одной расе — члены одной человеческой семьи. Единственная текущая монета - это образ Божий, и это хорошо для всего, что у нас есть.

"Я думаю, что нет ни одной черты цивилизации вашей эпохи, столь противной современным идеям, как пренебрежение, с которым вы относились к своим зависимым классам. Даже если у вас не было ни жалости, ни чувства братства, как получилось, что вы не видели, что вы лишаете неспособный класс их очевидного права, оставляя их без присмотра?"

"Я не совсем вас понимаю", - сказал я. "Я признаю претензии этого класса к нашему сожалению, но как могли они, которые ничего не производили, претендовать на долю продукта в качестве права?"

"Как случилось, - был ответ доктора Лите, - что ваши рабочие смогли произвести больше, чем сделали бы многие дикари? Разве это не было полностью связано с наследием прошлых знаний и достижений расы, с механизмом общества, который создавался тысячи лет и был найден вами готовым к использованию?"

Как вы стали обладателями этих знаний и этого оборудования, которые представляют собой девять частей к одной, внесенной вами в стоимость вашего продукта? Вы унаследовали это, не так ли? И разве эти другие, эти несчастные и искалеченные братья, которых ты изгнал, не были сонаследниками, сонаследницами вместе с тобой? Что вы сделали с их долей? Разве вы не ограбили их, когда отделались корочками, которые имели право сидеть с наследниками, и разве вы не добавили оскорбление к ограблению, когда называли корочки

благотворительностью?

"Ах, мистер Уэст, - продолжил доктор Лите, поскольку я не ответил, - чего я не понимаю, так это того, что, отбросив все соображения справедливости или братских чувств по отношению к калекам и неполноценным, как работники вашего времени могли хоть немного относиться к своей работе, зная, что их дети, или внуки, если им не повезет, будут лишены удобств и даже предметов первой необходимости в жизни.

Остается загадкой, как мужчины, имеющие детей, могли одобрить систему, при которой они были вознаграждены больше, чем те, кто менее наделен физической силой или умственными способностями. Ибо из-за той же дискриминации, которой пользовался отец, сын, за которого он отдал бы свою жизнь, будучи, возможно, слабее других, мог бы опуститься до корки и нищенства. Я никогда не мог понять, как мужчины осмеливались оставлять детей позади себя".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2700686>